

Юкио Мисима

Перевод Татьяны Юрковой

ВЕЕР В ЗАЛОГ ЛЮБВИ

Действующие лица:

ХАНАКО, сумасшедшая девушка
ХОНДА ДЗИЦУКО, художница, не замужем, лет сорока
ЕСИО, молодой человек

Ателье ДЗИЦУКО ХОНДА. Осень. Послеобеденный час уже прошел, и, стало быть, время близится к вечеру. Беспорядок в комнате говорит о сборах к отъезду. Дзицуко, сидя в мягком кресле, читает газету. Потом, отложив ее, она с беспокойством вскакивает и, снова плюхнувшись в кресло, продолжает читать.

ДЗИЦУКО (самой себе). Все без толку, без толку. Все, что мне пришлось пережить... Да эту бы газетенку надо просто в ключья разодрать... Нет, я разорву ее, а дальше-то что? Нет-нет, лучше все-таки пробежать хотя бы вскользь, как и поступают нормальные люди. Живенько так, с интересом, будто все приключилось с кем-то другим. Ну да, и прочесть с видом эдакой благовоспитанной доченьки, боготворящей собственного достопочтимого папочку. Конечно, наш папочка убежден, что только его семейку напасти минуют всегда стороной. А ненаглядная его подруга жизни считает, что муженек у нее, разумеется, единственный на всем белом свете красавец. Да-да, я проделаю все точно так же, как любая порядочная дочь стала бы зачитывать это собственным предкам. Ну, чтобы слегка поразвлечь их там после обеда. (Как будто в комнате присутствует

кто-то еще). Великодушный мой папочка, ты у нас самый преуспевающий в городе. И драгоценная моя мамочка... Ваша любящая дочка... а вы до сих пор все шлете ей денежки для оплаты уроков рисования... Ну вот, ваша доченька пока еще так и не рискнула выйти замуж, невзирая даже на то, что ей уже под сорок... Короче, внимание! А сейчас ваша доченька прочтет вам одну весьма прелюбопытную статейку.

Она читает.

«Трагическая любовь сумасшедшей дульсинеи». Старомодный рыцарский роман на железнодорожном вокзале... Ежедневно, и в дождь, и в зной, в зале ожидания железнодорожного вокзала вы заметите одну умалишенную девушку необыкновенной красоты. С ве ером в руках она сидит на скамейке и судорожно вглядывается в лицо буквально каждого прохожего, показавшегося на станции. Вы спросите зачем? Да всего лишь затем, чтобы, преисполнившись разочарований, всякий раз опять возвращаться на эту свою скамью. В ответ на вопросы нашего корреспондента она заявила, что веер у нее якобы от Хандзе. Верней, от мужчины, с кем она однажды повстречалась на том же самом месте. Тогда он и обменялся с ней веером в залог будущего свидания. Эта умалишенная дульсинея в самом деле сжимает в руках мужской веер с намалеванным на нем заснеженным пейзажем. А вероломному ее кавалеру достался веер с луной, отражающейся на воде. Мужчина этот явно уже никогда не вернется. Так что наша барышня просто помешалась от тоски. Ее зовут Ханако. Согласно показаниям дежурного по вокзалу, она проживает у художницы, г-жи Дзицуко Хонда, в доме 35, по такой-то улице».

Ну да, так и написано: «Проживает в доме госпожи Дзицуко Хонда...» Вот так номер! Выходит, все, через что я наконец-то прошла, ≈ это лишь пузырьки зыбкой пены на воде, а зря я не представляла портреты Ханако на выставках. И зачем только было прятать это все от публики?! Вот обнародуй я их ≈ и как знать? Возможно, их бы тут же отметили, а может, даже выдвинули бы на премию. Но! С тех пор, как мы повстречались с Ханако, вечно я отправляла на выставки совершенно другие картины. Такие, где от меня нет ни пылинки. Потому видно их всякий раз и заворачивали обратно. Так что все получалось вхолостую. И после всего, что пришлось мне изведать, я еще лелеяла надежду, будто Ханако никогда уже не улизнет из моих

рук. И вот ≈ нате вам! ≈ назло всему. (В исступлении она принимается кромсать ножницами газету на мелкие-мелкие, точно снежные хлопья, клочки.) Я полагаю, все же этому суждено было случиться. Ну, не в силах я привязать к себе Ханако. А попытайся я тем не менее, так она бы наверняка все только тосковала и тосковала. И это тянулось бы бесконечно, пока она просто не довела бы себя до самоуничтожения. Она же совсем как сверчок, купленный на рынке, и его упрятывают в клетку, чтобы доставить кому-то удовольствие хотя бы на пару дней. Так что у меня совершенно не было выбора, разве что сделать именно то, что уже сделано.

Не сегодня-завтра люди возьмутся судачить о красивой сумасшедшей девице с веером. И все в результате докатится до этого гнуснейшего типа Есио. (Она вскакивает в бешенстве.) Единственное, что остается, ≈ это побыстрее куда-нибудь улизнуть. Ну да, бежать без оглядки, без промедления! Прямо вдвоем. Вот и все, что можно теперь предпринять. Надо исчезнуть на долго, насколько это удастся. Да-да, скрываться, пока не утихнет вся эта шумиха. Если бы у него не было ни капли симпатии к ней, тогда еще можно не психовать. Но, как я понимаю, тщеславие вполне способно выудить его сюда обратно.

Итак, мы тронемся в путь сегодня же вечером. Ничего другого тут не придумаешь. И куда-нибудь эдак подальше... А потом, если нас все-таки настигнут (она смеется)... Да начхать мне, пусть я даже отправлюсь на тот свет. Да-да, вот это было бы что надо. (Она снова начинает собираться к отъезду.)

Входит ХАНАКО.

ДЗИЦУКО (стараясь успокоиться). Ого, а ты, я смотрю, уже вернулась.

ХАНАКО. (Чрезвычайно красивая, но при этом чересчур нагримирована. Одета в какой-то перепачканный костюм. Она держит на груди огромный раскрытый веер с изображением заснеженного пейзажа.) Можно я оставлю дверь открытой? Так что если Есио появится, он тут же и войдет без труда.

ДЗИЦУКО. Да-да, оставь-ка ее открытой, но только ненадолго. Зима уж на носу.

ХАНАКО. Сейчас осень. Нет, правда? А веер у меня осенний. Ну да, конечно, это же веер разлуки. Веер осенней печали. (Она плачет.)

ДЗИЦУКО (кладя руки на плечи ХАНАКО). Не плачь. В один прекрасный день Есио непременно вернется к тебе.

ХАНАКО. Сегодня я снова ждала его на станции. Целый день. Ты представляешь, целый день. Мне кажется, поджидая его, я каждый раз как будто поднимаюсь к жизни из пепла. Я все вот разглядывала лица публики, выходящей из поезда. Никто из них не похож на него. Ведь это же сплошь какие-то маски совершенно чужих мне людей. Я не думаю, что, кроме Есио, у кого-то из них может быть подлинно живое лицо. Физиономии всех остальных мужчин в поднебесной мертвы. Они же все трупы. Много, много эдаких людишек с голыми черепами вместо котелков... Со своими портфельчиками в руках они мельтешат на вокзале. Я так устала, Дзицуко, сегодня я опять прождала его целый день.

ДЗИЦУКО. А я вот в жизни никогда и никого не ждала.

ХАНАКО. Дело не в этом. Тебе и не надо. Но хоть кто-то на этом свете должен нас все-таки ждать. Мое тело просто пропитано этой вечной сладостной истомой ожидания. До чего же дивно вечерние сумерки сочетаются с лунным отражением на воде. А утром солнце уже не чует ног под собой, но я все равно жду и жду. Я томлюсь. Да, мое тело изнашивает от этих колючих шипов тоски. Но разве они не нашептывают, что все живые создания в поднебесной только и живут ожиданием. Или тем, что вечно принуждают других ждать и ждать? И они тихонько-тихонько так стонут: ^{||}Ханако, ну как вообще такое могло случиться? Для чего же ты целую жизнь посвятила тому, чтобы все время только ждать? ^{||} (Она тычет в себя.) Ты думаешь, это мое тело? Я что же, выходит, нераспахнутое окно? Или какая-то нераскрытая дверь? (Показывает на дверь.) Вот как эта... Ну а разве я могу жить без сна? Я что? Кукла, ни разу в жизни не сомкнувшая глаз?

ДЗИЦУКО. Если и кукла, то смертельно, смертельно красивая. И я никогда не поверю, что в этом подлунном мире кто-то может быть прекрасней тебя. Знаешь, вечно все спешат распахнуть сразу слишком уж много окон, да к тому же чересчур широко. Видно, таким вот образом рассчитывают получше

проветрить там свои кельи. А в итоге? Они же лишают себя всего. Но у тебя-то, милая моя, есть только одно окошечко. Так вот через него, через вот это самое окошечко, в тебя и проникает весь мир поднебесной. Оттого ты у нас и получилась такой исключительной.

ХАНАКО. (Она не слушает). Сегодня я опять просидела целый день на деревянной скамейке. До чего она жесткая, эта скамейка. А теперь я решила подждать его где-нибудь на пушистой лужайке. Как только он объявится, я быстренько вскочу. Он тут же почистит мне платье. «О, да ты взгляни-ка, Ханako, как перепачкан твой наряд травой!»

ДЗИЦУКО. До чего я обожаю разглядывать тебя обнаженной. Никогда я не вкушала наготы, столь невинной и одновременно волнующей, как у тебя. Твоя грудь, твой живот, эти бедра... Вот это единственное в нашем подлунном мире, что на самом деле заслуживает извечного ожидания.

ХАНАКО. Что ты там говоришь?

ДЗИЦУКО. Оттого, что ты так долго и так много ждала, ты впитала в себя все самые дивные прелести поднебесной. Какая-нибудь там барышня в одно прекрасное утро возьмет да случайно и растеряет свои соски или грудь. Ну, а они \approx раз! \approx и уже засверкали у тебя на теле, точно эдакие медальончики плоти, к тому же столь на диво благоуханные. То, за что мужчины готовы сражаться всю свою жизнь, дабы заполучить наконец себе в награду... Ты уже давным-давно выиграла! Да-да, одним лишь только своим умением вечно ждать.

ХАНАКО (не слушая). Весна, лето, осень... Что у нас там придет первым, лето или осень? Если бы теперь мой веер был здесь, и лунные отражения вдруг проснулись... Тогда наступило бы лето? (Играет веером, открывая и закрывая его). Как бы я была счастлива, расстай внезапно все снежные хлопья на этом рисунке! (Она закрывает веер).

ДЗИЦУКО. Ханako, давай-ка уедем куда-нибудь.

ХАНАКО (в страшном испуге заслоняет себе лицо руками). Зачем, зачем?

ДЗИЦУКО. Мы отправимся искать Есио. Отчего бы нам не уехать поскорей? Ну вот хотя бы сегодня вечером? Ты же никогда не отыщешь его, поджидая таким вот образом. Давай-ка прокатимся по всей Японии и поищем его. Мы будем кочевать от деревни к деревне, от города к городу. Мы с тобой вдвоем. До чего, должно быть, это приятно. А скоро начнется сезон красных осенних листьев, и все горы покроются киноварью. Я хочу увидеть тебя, пышущую здоровьем, чтобы на белоснежном свитке твоего лица сияли осенние блики. Если мы уедем, я всей душой помогу тебе отыскать его. Я стану допытывать в поездах каждого юношу: А случаем вы не Есио?

ХАНАКО. Нет... нет...

ДЗИЦУКО. Почему ты не хочешь уехать?

ХАНАКО. Ну разве это не смахивает на побег?

ДЗИЦУКО (испуганно вздрагивая). На побег?

ХАНАКО. Это оттого, что ты не ждешь. Оттого, что ты как раз из тех, кто в жизни никогда и никого не ждет. А тот, кто не хочет ждать, обычно всегда пускается в бегство. Нет, я буду ждать здесь. Я не желаю слушать ни слова. Только не сердись, хорошо? Если бы я осталась в том городе, где мы повстречались с ним... Он бы давно уже снова вернулся, не уедь я оттуда. Но ты затащила меня сюда... (Она заметила на полу газетные хлопья.) Ой, что это?

ДЗИЦУКО (бледнея) Так, ничего.

ХАНАКО. Это снег! Я уверена, это снег. Грязный снег... (Несколько минут она собирает клочки газеты, потом рассыпает их вокруг себя.) Посмотри-ка! Снег выпал (с хитростью умалишенного человека). Да, идет снег. Уже зима. И нам совершенно не надо срываться ни в какую поездку. А ты представь, что мы странствуем уже целую осень. Ну, так сейчас пришла зима, и мы наконец вернулись.

ДЗИЦУКО. Нет, бесполезно, Ханакко, мы все-таки должны ехать.

ХАНАКО. Нет, нет.

ДЗИЦУКО. Ты поняла? (Она заталкивает ХАНАКО в кресло и, прильнув к ней, говорит увещевающим тоном.) Ты и так прождала бесконечно долго. Ты ждешь его уже сто лет. Ты стала такой красавицей. Да наткнись он однажды на тебя, так никогда уже не в силах будет расстаться с тобой. Понимаешь? Ты должна перестать ждать. Просто надо отправиться его искать.

ХАНАКО. Нет, я не сдвинусь с места. В жизни ни за что, никогда и не подумаю уйти отсюда. Мир так велик, что даже неважно, сколько мне суждено искать его, но... Но! Ничего из этого не получится. Я буду ждать его здесь и никуда-никуда не поеду, потому что, останься я здесь, он непременно вернется ко мне после своих долгих скитаний. Неподвижная звезда обязательно сойдется с той, что вечно блуждает по небу.

ДЗИЦУКО. А что, если он тоже ждет тебя и никогда не тронется с места?

ХАНАКО. Ты не знаешь мужчин.

ДЗИЦУКО. Ханакко, пожалуйста, будь благоразумной. Умоляю тебя.

ХАНАКО. Ой, я так устала. Ты совсем не обращаешь внимания, до чего же я выдохлась. Нет, правда, Дзицуко? Каждый раз, день за днем, я должна рассиживать на этой жесткой деревянной скамейке, ожидая его. Да, я измоталась. Я, возможно, давно плохо выгляжу. А может, наоборот, напоминаю огромную розу, сияющую глянецом? Но я действительно ужасно выбилась из сил. Вот передохну-ка немного. Хорошо бы ненадолго преклонить голову к подушке и поспать часок-другой. Тогда я стану похожа на стремительно заснувший крошечный островок. Ну да, совсем-совсем на крошечный такой островок, погружившийся в сон. Пока он день за днем все кого-то ждет, а гавань его развернута в открытое море. И она тоже замерла в ожидании. Вот только все диву дается, когда же наконец, устремившись от берега к порту, хотя бы одна ладья стронется с места. И весь берег так и зардел в кровавых лучах заходящего солнца. Там даже днем светит луна, а солнце, случается, сияет и ночью. Но зато на том островке нет нужды ни в каких часах. Так что вышвырну-ка я свои часики тоже.

ДЗИЦУКО (печально). Зачем?

ХАНАКО. Потому что тогда поезда никогда уже не смогут отъехать со станций.

ХАНАКО выходит. ДЗИЦУКО стоит, как будто замерев на мгновение. она посматривает на газетные обрывки и принимается сметать их метлой подальше к двери. и она уже собралась было их выбросить, как тут же заметила в дверях мужчину.

ДЗИЦУКО. Кто там?

ЕСИО. А Ханако здесь?

ДЗИЦУКО (подходит к нему). Здесь никого нет с таким именем.

ЕСИО. Но я уверен, что она здесь. (Он вынимает газету из кармана.) Я прочел о ней в утренней газете.

ДЗИЦУКО. Газеты, как всегда, сплошь и рядом печатают лживые сведения.

ЕСИО (сделав несколько шагов внутрь комнаты). Пожалуйста, позвольте мне увидеть Ханако.

ДЗИЦУКО. (Она давно уже все поняла, но тем не менее спрашивает.) А кто вы?

ЕСИО. Как только вы ей скажете, что Есио здесь, она сразу поймет, кто я.

ДЗИЦУКО. Это имя мне знакомо давным-давно. До чего же оно мерзкое и как гнусно звучит.

ЕСИО (продолжает молчать).

ДЗИЦУКО. Во-первых, у меня совершенно нет никакой

возможности узнать, действительно ли вы тот самый, настоящий Есио.

ЕСИО. Ну, раз вы сомневаетесь, так взгляните-ка на это. Вот ее веер, с лунными отражениями на воде.

ДЗИЦУКО. Не понимаю, где вы только выискали его.

ЕСИО. Я так и думал: вы непременно скажете что-нибудь в этом роде. А сейчас, будьте любезны, отведите меня к ней...

ДЗИЦУКО. Когда вы наткнулись на эту статейку в газете, так, видно, сразу же вообразили себя героем громкой любовной истории. Вот и рванули тут же сюда. Нет, правда? К той самой женщине, кого вы бросили ровно три года назад, не задумываясь ни минуты.

ЕСИО. Знаю, я поступил крайне дурно. Но где-то лишь год назад я обрел наконец свободу. Так что сразу отправился в город, где мы когда-то расстались с ней, но Ханакото там больше не было. Мне сказали, что с тех пор как она лишилась рассудка, то... сразу вроде бы и прекратила работать гейшей. А контракт ее, похоже, выкупила какая-то художница. И будто бы она же увезла ее с собой в Токио. Вот и все, что мне удалось разузнать. Так, значит, художница ≈ это вы и есть? Я прав?

ДЗИЦУКО. Да, это была я. Незамужняя рисовальщица лет сорока. Я отправилась в тот город года полтора назад в краткосрочное путешествие. Какие-то гейши судачили о ней в ресторане, куда заодно пригласили и меня. Дескать, однажды летом она повстречалась с одним молодым клиентом из Токио. Мужчина пообещал ей вернуться снова и в залог будущей встречи обменялся с ней веерами. Изю дня в день она смотрела на этот свой веер и все вспоминала о нем. И так она проводила все дни, страстно желая его возвращения! Даже перестала выступать перед клиентами. И мадам настолько затравила ее, что бедняжка в конце концов сошла с ума. Когда я услышала эту историю, так тут же попросила показать мне девушку.

Она сидела у себя в комнатке, точно в какой-то темнице. Глаза ее уставились вниз, хрупкими белыми ручонками она вцепилась в веер и, очевидно, не очень-то даже соображала, что к ней вошла я. Когда я заговорила, она наконец подняла свое лицо. Красота ее

невинного личика была подобна луне, окутанной небесным сиянием, и я влюбилась в нее с первого взгляда.

Потом я выкупила у хозяйки заведения контракт с Ханako и вернулась в Токио вместе с ней. Вот тогда я дала себе клятву: никогда-никогда в жизни я не позволю тому гнусному, вероломному типу украсть ее у меня.

ЕСИО. Ну так теперь, после того как она пробыла в ваших руках целых полтора года, ее заплучу я.

ДЗИЦУКО. Я была бы очень признательна, если вы оставите подобный тон. Вы го ворите со мной так, точно забыли у меня что-то из вашего личного имущества.

ЕСИО. Значит, вы не позволите повидать ее... Иными словами, ее счастье отнюдь не совпадает с тем, на что вы надеетесь.

ДЗИЦУКО. Чтобы вы знали, а я уповаю ровно на то, на что и она. Так вот, Ханako как раз совершенно не рвется ни к какому там счастью.

ЕСИО (с вызывающей улыбкой). Ладно, тогда представьте себе, будто я заявился сюда, чтобы снова сделать ее несчастной...

ДЗИЦУКО. Между прочим, собственное ее несчастье красиво и безупречно, и в жизни никому не удастся этому воспрепятствовать.

ЕСИО. Значит, тогда вам нет никакой необходимости так бояться. Вы же как раз весьма и весьма опасаетесь позволить мне взглянуть на нее.

ДЗИЦУКО. Я? Опасаюсь? Да, верно, я дорожу своим счастливым уделом.

ЕСИО. Наконец-то и вы приоткрыли мне правду.

ДЗИЦУКО. Ну, так вам же никогда не понять, что подразумеваю я под этим своим счастливым жребием. Я ведь и есть как раз та самая женщина, кого никогда и никто не любил, даже в детстве. А я соответственно тоже никогда ничего не

ждала. Так что почти всю свою жизнь прожила одна-одинешенька. Впрочем, это еще не самое скверное. Ну, а осмелюсь кто лет там сто назад влюбиться в меня, очевидно, я бы просто ответила такому вот воздыхателю ненавистью. А все оттого, что никому из мужчин я не в силах позволить любить себя, потому всю свою жизнь и тку хрупкую эту паутину из грез. Да-да, из грез и надежд пленить кого-то, кто был бы невероятно сильно влюблен, но... Вовсе, разумеется, не в меня. Так что же вы думаете об этом? Вернее, целую жизнь я пытаюсь разыскать того, кто жил бы, возможно, куда красивей, жил бы вместо меня и вместо моей ничтожной, беспомощной страсти. Но пока любовь такого вот человечка останется неразделенной, сердце его навечно будет принадлежать мне.

ЕСИО. Хм, так это и есть то, что вы назвали удачливым своим жребием?

ДЗИЦУКО. Ну да.

ЕСИО. А люди, смотрю, измышляют другим ужасные пытки, если ни разу в жизни их никто не любил. Разве нет?

ДЗИЦУКО. Любовь вообще и есть сплошь одна ужасная пытка. В ней и в помине нет каких-то там правил. Даже такая влюбленность, как ваша, то есть напрочь лишенная боли, да-да, в один прекрасный денек она тоже подвергнется пыткам. А мне нравится ежедневно, почти ежечасно разжигать в Ханako пламень надежды, да-да, надежды на все, кроме, пожалуй, гаснущего фитилька хрупких ее страстей. Но не ждите, что от меня вы получите шанс утолить свою собственную похоть.

ЕСИО. В любом случае одна вещь мне ясна... Получается, мы с вами ≈ враги. Ну тогда что же вы дадите ей? Надежду? А меня превратите в приманку? Вот, стало быть, и все. Зато я уверен, что преподнесу к ее ногам весь мир.

ДЗИЦУКО. Вы явно лжете. Единственное, на что вы способны, разве только умыкнуть у нее весь мир, потому что Вселенная для нее давно рассыпалась на осколки. А их-то и хватит ей только затем, чтобы снова оказаться связанной вами, то есть тупым, а еще хуже того, прелживым супругом.

ЕСИО. Возможно, это как раз именно то, о чем я и пекусь.

Ведь трудно сказать что-то определенное, пока еще сам ничего не отведал.

ДЗИЦУКО. А я больше никогда не позволю вкушать ей подобных вот лакомств. По тому что она и есть самая безупречная, самая совершенная драгоценность на свете. Самое прихотливое и безумное сокровище. Ну а для такого бесполезного мусора, как вы, непременно сыщется что-н и будь куда более подходящее.

ЕСИО. Скажите проще. Вы просто боитесь, что мне все же удастся повидать ее.

ДЗИЦУКО. Вы же не знаете... Нет, правда, вы просто совсем не догадываетесь, на какие только хитрости пускается нелюбимая женщина ≈ и все лишь ради того, чтобы в конце концов никогда не остаться одной? А вы как раз явно из тех, кого еще ни разу никто не бросал.

ЕСИО. Лучше отведите меня к Ханako.

ДЗИЦУКО. А вы, будьте так любезны, не кричите.

ЕСИО. Если вы не отведете меня к ней, так я пройду сам.

ДЗИЦУКО. Молодость, страсть ≈ в самом деле просто полнейший набор экипировки, скроенной исключительно по вашим личным меркам. А еще, конечно, самоуверенность, отмыкающая любые замки. Да уж я не ровня вам. Вы видите здесь чемоданы? Так вот я как раз полагаю, что нам срочно необходимо отправиться куда-нибудь в путешествие. Надо же побыстрее отделаться от вас.

ЕСИО. Так Ханako тоже хочет уехать?

ДЗИЦУКО. Нет. Ее расстроила эта новость. Вот она и прилегла немного вздремнуть.

ЕСИО. А насчет себя она все преотлично соображает.

ДЗИЦУКО. Нет, это просто один из симптомов ее сумасшествия.

ЕСИО. И вы, разумеется, предприняли все возможное, чтобы вытащить Ханакко из пучины безумия. Надо думать, все это как раз вполне отвечает вашему собственному душевному комфорту.

ДЗИЦУКО. Я узнала Ханакко тогда, когда она, увы, уже лишилась разума. И это сделало ее исключительно, безумно красивой. Та пошлая мечта, обуревавшая ее, когда она все еще пребывала в здравом уме, теперь полностью и совершенно очистилась. И она превратилась в изысканное, причудливое, драгоценное сокровище. Впрочем, это явно за пределами вашего понимания.

ЕСИО. Скажите, чего вы добиваетесь на самом деле? Так, может, в ваших грезах заготовлено укромное местечко для плоти?

ДЗИЦУКО. Ха, ну да, плоть! Так вот, попрошу вас, не заставляйте меня ломать голову над вещами, бесконечно отвратительными мне.

ЕСИО. А я вообще ни к чему вас не принуждаю.

ДЗИЦУКО (внезапно с силой). Пожалуйста, уходите сейчас же.

ЕСИО. Разве в вашем предложении содержится что-нибудь новенькое? После всего того, что мы тут с вами наговорили друг другу?

ДЗИЦУКО. Я боюсь. До чего же я обмираю от страха.

ЕСИО. Прекрасно понимаю, что именно это вы как раз и испытываете.

ДЗИЦУО. Вы только представьте, а что, если к ней вернется разум?

ЕСИО. Любой сумасшедший по сравнению с вами покажется куда разумней.

ДЗИЦУКО. Если она способна уйти и бросить меня...

ЕСИО. Так вот я непременно заставлю ее зашвырнуть вас подальше.

ДЗИЦУКО. Тогда я просто отправлюсь на тот свет.

ЕСИО. Вы на тот свет? В таком случае вовсе не думаю, что Ханакко станет несчастной. А вот если бы преставился я...

ДЗИЦУКО. Надеетесь, Ханакко сразит скорбь? Нет, это же самое полезное, что вы могли бы сделать для нее. Будьте любезны, прикажите сыграть в долгий ящик, и тогда у нее наконец появится повод жить-поживать как ни в чем не бывало.

ЕСИО. Что в свою очередь даст основание жить вам самой. Нет уж, покорнейше благодарю.

Он направляется к спальне.

ДЗИЦУКО. Не смейте ходить туда!

ЕСИО. Ханакко, я пришел!

ДЗИЦУКО. Уходите же, сделайте одолжение. После всех ваших жестоких пыток, учиненных здесь мне.

ЕСИО. Ханакко! Ханакко!

ДЗИЦУКО (присев перед ним на корточки). Да убирайтесь же, сказала. Вон отсюда.

ЕСИО (мягко, уклоняясь от нее). Ханакко! Взгляни-ка, вот здесь веер. Тот самый веер с лунным отражением на воде. (Он раскрывает веер и идет к двери в спальню.)

ДЗИЦУКО. Ох-х! (Она съежилась на полу, закрыв лицо.)

Дверь спальни отворилась, и тут же вышла ХАНАКО. Она держит на груди веер с заснеженным пейзажем. Длинная пауза. ХАНАКО медленно приближается к ЕСИО.

ЕСИО. Это я, Есио. Я знаю, что заставил тебя долго ждать. Прости меня, ХанакО. Зато я очень заботился о твоём веере.

ХАНАКО. Мой... веер...

ЕСИО. Да, и на нём ещё такое лунное отражение на воде. А тот веер, что в руках у тебя, с заснеженным пейзажем ≈ он, наоборот, как раз мой.

ХАНАКО. Твой веер... не твой веер. А что случилось с веером? Зачем вам понадобился веер?

ЕСИО. Да нет же. Это для тебя, ХанакО, для тебя.

ХАНАКО. Для меня... веер...

ЕСИО. Ты не понимаешь меня? ХанакО! (Он кладёт рук и ей на плечи и трясёт её. И пока все это проделывает, ДЗИЦУКО на конец воспрянула духом. Она стоит неподвижно, вытаращившись на них.)

ХАНАКО. Есио?

ЕСИО. Да, это я, Есио.

ХАНАКО (длинная пауза. Она трясёт головой почти совсем незаметно). Нет, это не ты. Это же не ты.

ЕСИО. Что ты говоришь? Ты что? Забыла меня?

ХАНАКО. Вы очень сильно похожи на него. Ваше лицо точь-в-точь как у него. Я все так и представляла себе в мечтах. И все же вы другой, потому что физиономии всех остальных мужчин в поднебесной мертвы. И вот только у моего Есио подлинно живое лицо. Нет, вы не Есио, и на вас надета маска абсолютного мертвеца.

ЕСИО. Что?!

ХАНАКО. Ведь и вы тоже труп. Ваша мина ≈ это сплошные

кости. Отчего вы так уставились на меня своими пустыми глазами.

ЕСИО. Да ты получше посмотри на меня. Посмотри же как следует!

ХАНАКО. А я все смотрю и смотрю. Я вижу вас куда лучше, чем вы сам (обращаясь к ДЗИЦУКО). Дзицуко, ты снова пытаешься обмануть меня, нет, правда? Ты хочешь обвести меня вокруг пальца и забрать с собой в поездку против моей воли, потому и позвала сюда вот этого незнакомца. Я же совершенно не знаю его. А ты вынудила его сказать, что он и есть мой Есио. Ты просто пытаешься заставить меня распрощаться с моим извечным умением ждать. Ждать и вчера, и сегодня, и завтра... Всегда только ждать, отчаянно думать об этом. До изнеможения ждать! Ждать абсолютно! Нет, правда, я не в состоянии расстаться со всем этим. Я буду ждать еще и еще, пока во мне еще есть силы ждать долго-предолго. И я все-таки буду, пока жива. Я сразу же распознаю маску всякого мертвеца, стоит мне только завидеть его.

ДЗИЦУКО (обращаясь к Есио, мягко). Пожалуйста, уходите. Лучше бы вам самому отказаться от этой затеи.

ЕСИО (с тоской). Ханакто!

ХАНАКО, не оборачиваясь, подходит к мягкому креслу. Она усаживается в него, развернувшись лицом к зрителям. **ЕСИО** молча наблюдает за ней. Длинная пауза. **ЕСИО** внезапно выбегает.

ХАНАКО. Подойди-ка сюда.

ДЗИЦУКО. Да.

Снаружи начинает темнеть.

ХАНАКО. Уже вечер. Нет, правда?

ДЗИЦУКО. Да.

ХАНАКО. По вечерам так сияет утреннее солнце и громко заливаются петухи. Нет, правда? На том моем острове, где

совершенно никому не нужны часы.

ДЗИЦУКО. Да.

ХАНАКО. Дзицуко, зачем мы должны куда-то ехать?

ДЗИЦУКО. А мы больше никуда уже не едем. Мы с тобой остаемся здесь навсегда.

ХАНАКО. Значит, правда? Мы никуда не уедем и останемся здесь? Ой, как я рада... Дзицуко!

ДЗИЦУКО. Да?

ХАНАКО. А тот мужчина... он только что заходил сюда. Он кто?

ДЗИЦУКО. Разве к нам кто-то заглядывал?

ХАНАКО. Да, я уверена: кто-то на вещал нас сейчас. И я даже думаю, у него на это была исключительно веская причина.

ДЗИЦУКО. Ты думаешь?

ХАНАКО. Он что-то там еще говорил громко-прегромко, а я ненавижу людей с таким вот громоподобным голосом.

ДЗИЦУКО. Да, я тоже их не выношу.

ХАНАКО. (Она снова играет веером.) Вот это и значит ждать... Ждать, только лишь ждать... А теперь денек уже клонится к закату.

ДЗИЦУКО. Да, так ты жди. А я, ты знаешь, в жизни ничего и никогда не жду.

ХАНАКО. Верно, зато я все вот жду.

ДЗИЦУКО. А я в жизни никогда и ни чего не жду.

ХАНАКО. Ну, а я вот все жду... Уже стемнело.

ДЗИЦУКО. (Ее глаза сверкают.) Ах, до чего же это дивная

жизнь!

ЗАНАВЕС

***Примечание: Данный текст взят из книги "Мисима Юкио. Веер в залог любви. Пьесы-маски в стиле театра ноо" (перевод с японского, составление, предисловие, примечания и указатель японских слов - кандидат филологических наук Татьяна Юркова), М., 2003, Рипол Классик, ISBN 5-7905-1818-4**